

Издательство
АСТ

СКАЗКИ
РУССКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ
XIX ВЕКА

Издательство
АСТ

УДК 821.161.1-34-053.2
ББК 84(2Рос=Рус)1-44
С42

Серийное оформление и дизайн обложки *А. Фереца*
Рисунок на обложке *А. Елисеева*

С42 **Сказки русских писателей XIX века.** — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 320 с.

ISBN 978-5-17-106278-1 (Классика для школьников)

ISBN 978-5-17-106281-1 (Школьное чтение)

В книгу вошли известные сказки русских писателей XIX века: волшебная повесть «Чёрная курица, или Подземные жители» Антония Погорельского (1787-1836); «Аленький цветочек» Сергея Тимофеевича Аксакова (1791-1859); «Девочка Снегурочка», «Про мышью зубастую да про воробья богатого», «Лиса лапотница» Владимира Ивановича Даля (1801-1872); «Городок в табакерке» и «Мороз Иванович» Владимира Фёдоровича Одоевского (1804-1869); «Конёк-горбунок» Петра Павловича Ершова (1815-1869); «Работник Емельян и пустой барабан», «Праведный судья» Льва Николаевича Толстого (1828-1910); «Лягушка-путешественница» и «Сказка о жабе и розе» Всеволода Михайловича Гаршина (1855-1888).

Все сказки наполнены глубоким смыслом и обладают непреходящей ценностью. Они учат детей быть честными и трудолюбивыми, верить в себя и никогда не сдаваться.

УДК 821.161.1-34-053.2

ББК 84(2Рос=Рус)1-44

ЕАС

© ООО «Издательство АСТ»

АНТОНИЙ ПОГОРЕЛЬСКИЙ

ЧЁРНАЯ КУРИЦА, ИЛИ ПОДЗЕМНЫЕ ЖИТЕЛИ

Лет сорок тому назад*, в С.-Петербурге на Васильевском острове, в Первой линии**, жил-был содержатель мужского пансиона***, который ещё и до сих пор, вероятно, у многих остался в свежей памяти, хотя дом, где пансион тот помещался, давно уже уступил место другому, нисколько не похожему на прежний. В то время Петербург наш уже славился в целой Европе своею красотой, хотя и далеко ещё не был таким, каков теперь. Тогда на проспектах Васильевского острова не было весёлых тенистых аллей: деревянные подмости, часто из гни-

* То есть в 80-х годах XVIII века (здесь и далее прим. ред.).

** На Васильевском острове есть параллельные улицы, противоположные стороны которых — отдельные линии со своими названиями.

*** Мужской пансион — школа-интернат.

лых досок сколоченные, заступали место нынешних прекрасных тротуаров. Исаакиевский мост, узкий в то время и неровный, совсем иной представлял вид, нежели как теперь; да и самая площадь Исаакиевская вовсе не такова была. Тогда монумент Петра Великого от Исаакиевской церкви отделён был канавою; Адмиралтейство не было обсажено деревьями; манеж Конногвардейский не украшал площади прекрасным нынешним фасадом — одним словом, Петербург тогдашний не то был, что теперешний. Города перед людьми имеют, между прочим, то преимущество, что они иногда с годами становятся красивее... Впрочем, не о том теперь идёт дело. В другой раз и при другом случае я, может быть, поговорю с вами пространнее о переменах, происшедших в Петербурге в течение моего века, — теперь же обратимся опять к пансиону, который лет сорок тому назад находился на Васильевском острове, в Первой линии.

Дом, которого теперь — как уже вам сказывал — вы не найдёте, был

о двух этажах, крытый голландскими черепицами. Крыльцо, по которому в него входили, было деревянное и выдавалось на улицу... Из сеней довольно крутая лестница вела в верхнее жильё, состоявшее из восьми или девяти комнат, в которых с одной стороны жил содержатель пансиона, а с другой были классы. Дортуары, или спальные комнаты детей, находились в нижнем этаже, по правую сторону сеней, а по левую жили две старушки, голландки, из которой каждой было более ста лет и которые собственными глазами видали Петра Великого и даже с ним говаривали...

В числе тридцати или сорока детей, обучавшихся в том пансионе, находился один мальчик, по имени Алёша, которому тогда было не более девяти или десяти лет. Родители его, жившие далеко-далеко от Петербурга, года за два перед тем привезли его в столицу, отдали в пансион и возвратились домой, заплатив учителю условленную плату за несколько лет вперёд. Алёша был мальчик умненький, миленький, учился

хорошо, и все его любили и ласкали. Однако, несмотря на то, ему часто скучно бывало в пансионе, а иногда даже и грустно. Особливо* сначала он никак не мог приучиться к мысли, что он разлучён с родными своими. Но потом мало-помалу он стал привыкать к своему положению, и бывали даже минуты, когда, играя с товарищами, он думал, что в пансионе гораздо веселее, нежели в родительском доме.

Вообще дни учения для него проходили скоро и приятно; но когда наступала суббота и все товарищи его спешили домой к родным, тогда Алёша горько чувствовал своё одиночество. По воскресеньям и праздникам он весь день оставался один, и тогда единственным утешением его было чтение книг, которые учитель позволял ему брать из небольшой своей библиотеки. Учитель был родом немец, а в то время в немецкой литературе господствовала мода на рыцарские романы и на волшебные повести, — и библиотека, которою пользовался наш Алё-

* Особливо — особенно.

ша, большею частью состояла из книг сего рода.

Итак, Алёша, будучи ещё в десятилетнем возрасте, знал уже наизусть деяния славнейших рыцарей, по крайней мере так, как они описаны были в романах. Любимым его занятием в длинные зимние вечера, по воскресеньям и другим праздничным дням, было мысленно переноситься в старинные, давно прошедшие века... Особливо в вакантное время*, когда он бывал разлучён надолго со своими товарищами, когда часто целые дни просиживал в уединении, юное воображение его бродило по рыцарским замкам, по страшным развалинам или по тёмным, дремучим лесам.

Я забыл сказать вам, что к дому этому принадлежал довольно просторный двор, отделённый от переулка деревянным забором из барочных досок**. Ворота и калитка, кои вели в переулок, всегда были заперты, и потому

* Вакантное время — каникулы.

** Барочные доски — доски для речных судов, барок.

Алёше никогда не удавалось побывать в этом переулке, который сильно возбуждал его любопытство. Всякий раз, когда позволяли ему в часы отдыха играть на дворе, первое движение его было — подбегать к забору. Тут он становился на цыпочки и пристально смотрел в круглые дырочки, которыми усеян был забор. Алёша не знал, что дырочки эти происходили от деревянных гвоздей, которыми прежде сколочены были барки, и ему казалось, что какая-нибудь добрая волшебница нарочно для него повертела эти дырочки. Он всё ожидал, что когда-нибудь эта волшебница явится в переулке и сквозь дырочку подаст ему игрушку, или талисман*, или письмецо от папеньки или маменьки, от которых не получал он давно уже никакого известия. Но, к крайнему его сожалению, не являлся никто даже похожий на волшебницу.

Другое занятие Алёши состояло в том, чтобы кормить курочек, которые

* Талисман — предмет, который приносит счастье, удачу.

жили около забора в нарочно для них выстроенном домике и целый день играли и бегали на дворе. Алёша очень коротко с ними познакомился, всех знал по имени, разнимал их драки, а забияк наказывал тем, что иногда несколько дней сряду не давал им ничего от крошек, которые всегда после обеда и ужина он собирал со скатерти. Между курами он особенно любил одну чёрную хохлатую, названную Чернушкой. Чернушка была к нему ласковее других; она даже иногда позволяла себя гладить, и потому Алёша лучшие кусочки приносил ей. Она была нрава тихого; редко прохаживалась с другими и, казалось, любила Алёшу более, нежели подруг своих.

Однажды (это было во время зимних вакаций — день был прекрасный и необыкновенно тёплый, не более трёх или четырёх градусов мороза) Алёше позволили поиграть на дворе. В тот день учитель и жена его в больших были хлопотах. Они давали обед директору училищ, и ещё накануне, с утра до позднего вечера,

езде в доме мыли полы, вытирали пыль и вощили красного дерева столы и комоды. Сам учитель ездил закупать провизию для стола: белую архангельскую телятину, огромный окорок и киевское варенье. Алёша тоже по мере сил способствовал приготовлениям: его заставили из белой бумаги вырезать красивую сетку на окорок и украшать бумажною резьбою нарочно купленные шесть восковых свечей. В назначенный день рано поутру явился парикмахер и показал своё искусство над буклями*, тупеем** и длинной косой учителя. Потом принялся за супругу его, на помадил и напудрил у ней локоны и шиньон*** и взгромоздил на её голове целую оранжерею разных цветов, между которыми блистали искусным образом помещённые два бриллиантовые перстня, когда-то подаренные её мужу родителями учеников. По окончании головного убора накинула она на

* Букли — завитки волос, локоны.

** Тупей — взбитый хохол на голове.

*** Шиньон — женская причёска с использованием накладных волос.

себя старый, изношенный салоп* и от-
правилась хлопотать по хозяйству, на-
блюдая, притом строго, чтоб как-нибудь
не испортилась причёска; и для того
сама она не входила в кухню, а да-
вала приказания свои кухарке, стоя
в дверях. В необходимых же случаях
посылала туда мужа своего, у которого
причёска не так была высока.

В продолжении всех этих забот Алё-
шу нашего совсем забыли, и он тем
воспользовался, чтоб на просторе иг-
рать на дворе. По обыкновению сво-
ему, он подошёл сначала к дощатому
забору и долго смотрел в дырочку; но
и в этот день никто почти не проходил
по переулку, и он со вздохом обра-
тился к любезным своим курочкам. Не
успел он присесть на бревно и только
что начал манить их к себе, как вдруг
увидел подле себя кухарку с большим
ножом. Алёше никогда не нравилась эта
кухарка — сердитая и бранчливая. Но
с тех пор, как он заметил, что она-то
и была причиною, что от времени до
времени уменьшалось число его курочек,

* С а л о п — широкое женское пальто.

он ещё менее стал её любить. Когда же однажды нечаянно увидел он в кухне одного хорошенького, очень любимого им петушка, повешенного за ноги с перерезанным горлом, то возымел он к ней ужас и отвращение. Увидев её теперь с ножом, он тотчас догадался, что́ это значит, и, чувствуя с горестию, что он не в силах помочь своим друзьям, вскочил и побежал далеко прочь.

— Алёша, Алёша! Помоги мне поймать курицу! — кричала кухарка.

Но Алёша принялся бежать ещё пуще, спрятался у забора за курятником и сам не замечал, как слёзки одна за другою выкатывались из его глаз и упали на землю.

Довольно долго стоял он у курятника, и сердце в нём сильно билось, между тем как кухарка бегала по двору — то манила курочек: «Цып, цып, цып!», то бранила их.

Вдруг сердце у Алёши ещё сильнее забилось: ему слышался голос любимой его Чернушки! Она кудахта-ла самым отчаянным образом, и ему показалось, что она кричит:

Куда́х, куда́х, куду́ху!
Алёша, спаси Чернуху!
Куду́ху, куду́ху,
Чернуху, Чернуху!

Алёша никак не мог более оставаться на своём месте. Он, громко всхлипывая, побежал к кухарке и бросился к ней на шею, в ту самую минуту, как она поймала уже Чернушку за крыло.

— Любезная, милая Тринушка! — вскричал он, обливаясь слезами, — пожалуйста, не тронь мою Чернуху!

Алёша так неожиданно бросился на шею к кухарке, что она упустила из рук Чернушку, которая, воспользовавшись этим, от страха взлетела на кровлю сарая и там продолжала кудахтать.

Но Алёше теперь слышалось, будто она дразнит кухарку и кричит:

Куда́х, куда́х, куду́ху!
Не поймала ты Чернуху!
Куду́ху, куду́ху,
Чернуху, Чернуху!

Между тем кухарка вне себя была от досады и хотела бежать к учителю, но Алёша не допустил её. Он прице-